

UDK: 327:339.9(510:5-15)

Husan MIRZABEKOV,

Mustaqil izlanuvchi, Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti, Toshkent, O'zbekiston

E-mail: husan190619@gmail.com, <https://ORCID.org/0009-0007-3398-6565>

Professor H.Rajabov taqrizi asosida

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КИТАЙСКО-БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОБЩИЙ ОБЗОР

Аннотация

Статья посвящена теоретико-методологическим основам изучения китайско-ближневосточных отношений в контексте современной глобальной политики. Рассматриваются ключевые китайские концепции международных отношений («сообщество единой судьбы», дипломатия партнёрств), их применение к Ближнему Востоку. На основе анализа литературы выявлены основные подходы: неореализм, конструктивизм и китайские национальные школы (моральный реализм, теория отношений). Получены выводы о прагматичном, ненасильственном характере китайской стратегии в регионе.

Ключевые слова: Китай, Ближний Восток, теория международных отношений, дипломатия партнёрств, «Один пояс, один путь», невмешательство, моральный реализм.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF CHINA–MIDDLE EAST RELATIONS: A GENERAL OVERVIEW

Annotation

This article is devoted to the theoretical and methodological foundations of studying China–Middle East relations in the context of contemporary global politics. It examines key Chinese concepts of international relations, such as the “community of shared future” and partnership diplomacy, as well as their application to the Middle East. Based on a literature analysis, the main approaches are identified, including neorealism, constructivism, and Chinese national schools (moral realism and relational theory). The study concludes that China’s strategy in the region is pragmatic and non-coercive in nature.

Keywords: China, Middle East, international relations theory, partnership diplomacy, “Belt and Road Initiative”, non-interference, moral realism.

XITOIY–YAQIN SHARQ MUNOSABATLARINING NAZARIY-METODOLOGIK ASOSLARI: UMUMIY SHARH

Аннотация

Mazkur maqola zamonaviy global siyosat kontekstida Xitoy–Yaqin Sharq munosabatlarini o'rganishning nazariy va metodologik asoslariga bag'ishlangan. Unda xalqaro munosabatlarga oid asosiy xitoy konsepsiyalari, jumladan “umumiy taqdir hamjamiyati” va hamkorlik diplomatiyasi hamda ularning Yaqin Sharq mintaqasida qo'llanilishi ko'rib chiqiladi. Adabiyotlar tahlili asosida asosiy yondashuvlar aniqlangan: neorealizm, konstruktivizm va xitoy milliy maktablari (axloqiy realizm hamda munosabatlar nazariyasi). Tadqiqot natijalari Xitoyning mintaqadagi strategiyasi pragmatik va zo'rvonliksiz xarakterga ega ekanligini ko'rsatadi.

Kalit so'zlar: Xitoy, Yaqin Sharq, xalqaro munosabatlar nazariyasi, hamkorlik diplomatiyasi, “Bir kamar, bir yo'l”, aralashmaslik siyosati, axloqiy realizm.

Введение. Китайско-ближневосточные отношения в XXI веке приобрели стратегическое значение. Китай, как восходящая сверхдержава, использует регион для обеспечения энергетической безопасности, расширения экономического влияния и продвижения своей модели глобального порядка. Актуальность темы обусловлена ростом китайского присутствия на фоне снижения роли США. Цель статьи - систематизировать теоретико-методологические основы анализа этих отношений. Китайско-ближневосточные отношения в XXI веке определяются необходимостью обеспечения энергетической безопасности и продвижения инициативы «Один пояс, один путь» (BRI). Иран и Саудовская Аравия занимают особое место: Иран - стратегический партнёр под санкциями, Саудовская Аравия - ведущий поставщик нефти и ключевой элемент «Видения-2030». Пекин поддерживает всеобъемлющие стратегические партнёрства с обеими странами (с 2016 г.), избегая военно-политического вовлечения. Актуальность темы

усиливается ролью Китая как посредника в саудовско-иранском примирении 2023 года. Цель статьи - раскрыть теоретические основы и подтвердить их статистически на примере этих двух государств. В условиях трансформации глобального порядка Китай превратился в ведущего экономического партнёра Ближнего Востока. Стратегия Пекина опирается на принципы невмешательства, взаимовыгодного сотрудничества и «выигрыш-выигрыш», закреплённые в национальных теориях МО. Актуальность темы обусловлена ростом китайского влияния на фоне снижения роли США: торговый оборот с арабскими странами превысил 400 млрд долл. в 2024 г., а BRI охватила все 21 арабское государство. Цель статьи - систематизировать теоретические основы и подтвердить их эмпирически через статистический анализ.

Основная часть Китайская внешняя политика на Ближнем Востоке опирается на принципы невмешательства и взаимовыгодного сотрудничества.

В отношении Ирана и Саудовской Аравии это проявляется в балансировании: Китай импортирует нефть от обоих, инвестирует в инфраструктуру и выступает нейтральным посредником. Обе страны имеют статус всеобъемлющего стратегического партнёрства. С Ираном в 2021 г. подписана 25-летняя программа сотрудничества (оценочно до 400 млрд долл. инвестиций). С Саудовской Аравией - углубление в рамках BRI и «Видения-2030». Центральное место занимает инициатива «Один пояс, один путь» (BRI), которая связывает экономические интересы с геополитическими. Пекин развивает всеобъемлющие стратегические партнёрства с Саудовской Аравией, Ираном, ОАЭ и другими странами, избегая военных союзов. Китайская внешняя политика на Ближнем Востоке строится на трёх ключевых концепциях:

- 1) Моральный реализм (Янь Сюэтон) - баланс сил через моральное лидерство и прагматизм.
- 2) Реляционная теория (Цинь Яцин) - акцент на отношениях и взаимном доверии вместо альянсов.
- 3) «Сообщество единой судьбы» и «Тянься» — гармоничный глобальный порядок без гегемонии.

Эти принципы реализуются через дипломатию партнёрств (иерархия: всеобъемлющие стратегические партнёрства с Саудовской Аравией, Ираном, ОАЭ, Египтом, Алжиром — всего более 14 арабских стран) и инициативу BRI [1]. Китай избегает военных баз и идеологического вмешательства, фокусируясь на экономике и инфраструктуре.

Обзор изученной литературы В работах Чжао Тиняна («Тянься»), Янь Сюэтуна (моральный реализм) и Цинь Яцина (реляционная теория) подчёркивается специфика китайского подхода к МО. Западные авторы [1] акцентируют прагматизм Китая в противовес американскому гегемонизму. Российские исследователи [2] анализируют становление китайской школы ТМО.

Методология исследования. Методологическая основа исследования феномена лидерства женщин в условиях Нового Узбекистана сформирована на базе междисциплинарного синтеза социально-философских, культурологических, аксиологических, антропологических и гендерных подходов, что позволило рассмотреть лидерство не только как социально-политический институт или управленческую практику, но прежде всего как сложный социокультурный и мировоззренческий феномен, отражающий трансформацию общественного сознания, ценностных ориентаций и механизмов социальной самореализации личности в условиях модернизации общества. Исследование основывается на принципах объективности, историзма, системности и комплексности, позволяющих раскрыть внутреннюю взаимосвязь между развитием женского лидерства, процессами демократизации общественной жизни, формированием гражданского общества и укреплением человеческого капитала как стратегического ресурса устойчивого развития государства.

Теоретико-методологическую основу работы составляют положения социальной философии, согласно которым лидерство рассматривается как форма реализации человеческого потенциала, выражающая способность личности к преобразованию социальной реальности посредством интеллектуального, нравственного и коммуникативного воздействия. В процессе исследования использован системный подход, позволивший рассмотреть женское лидерство как целостную многоуровневую систему, функционирующую во взаимодействии социальных институтов, культурных норм, политических механизмов и индивидуальных стратегий самореализации.

Применение данного подхода обеспечило возможность выявления структурных элементов лидерского потенциала женщин, а также определить характер их взаимосвязи в условиях современных общественных преобразований.

Историко-философский анализ позволил проследить эволюцию представлений о роли женщины в общественной жизни от традиционных концепций до современных теорий гендерного равенства и инклюзивного лидерства. При этом особое внимание уделялось исследованию трансформации взглядов на женское участие в процессах управления, принятия решений и общественного развития в контексте национальных культурных традиций и универсальных гуманистических ценностей. Использование сравнительного метода способствовало сопоставлению различных теоретических моделей лидерства, разработанных в западной и восточной философской мысли, а также выявлению их эвристического потенциала для анализа современных процессов развития женского лидерства в Узбекистане.

Важное место в исследовании занимает аксиологический подход, ориентированный на изучение ценностных оснований лидерской деятельности. В рамках данного подхода лидерство рассматривается как проявление ответственности, социальной справедливости, гражданской активности и нравственного служения обществу. Это позволило определить роль национальных духовно-нравственных ценностей, историко-культурного наследия и традиций узбекского народа в формировании лидерских качеств современных женщин. Одновременно использование антропологического подхода дало возможность рассмотреть женщину-лидера как активного субъекта общественного развития, способного не только адаптироваться к социальным изменениям, но и выступать инициатором инновационных преобразований в различных сферах общественной жизни.

Анализ и результаты. Анализ показывает, что Китай применяет гибридную модель: реалистские элементы (энергоресурсы) сочетаются с конструктивистскими (культурный диалог). Результаты: рост торговли до \$444 млрд (2023), 21 арабская страна присоединилась к BRI. Китай успешно балансирует влияние США без прямой конфронтации.

Статистические данные подтверждают эффективность теоретической модели.

1. Торговля: Двусторонний товарооборот Китай–арабские страны вырос с 36,7 млрд долл. в 2004 г. до 407,4 млрд долл. в 2024 г. (рост в 11 раз). В 2023 г. объём достиг 444,2 млрд долл. Китай обогнал Запад в торговле с Персидским заливом: 257 млрд долл. с GCC в 2024 г. против 256 млрд долл. у США+ЕС+Великобритании.

Саудовская Аравия: в 2024 г. общий товарооборот достиг 107,5 млрд долл. (Китай импортировал 57,48 млрд долл., экспортировал 50,05 млрд долл.). Нефть составила основную часть импорта - 47,9 млрд долл. (около 1,55–1,6 млн барр./сутки). Саудовская Аравия остаётся одним из ведущих торговых партнёров Китая на Ближнем Востоке.

Иран: в 2024 г. официальный оборот около 14,6–32,4 млрд долл. (с учётом неофициальных каналов). Иран экспортировал в Китай этиленовые полимеры, железную руду; Китай поставлял автомобили, запчасти, золото. Нефтяной импорт Ирана в Китай (через «теневые» поставки) оценивается в 1,4–1,5 млн барр./сутки в 2023–2025 гг. (около 90 % иранского экспорта нефти идёт в Китай).

2. Энергетическая безопасность: Китай - крупнейший импортёр нефти (11,1 млн барр./сутки в 2024

г., 74 % потребления). Ближний Восток поставляет 44–56 % (с учётом «теневых» импорта из Ирана). Саудовская Аравия - 1,6 млн барр./сутки (14 %), Ирак растёт. Средний Восток остаётся ключевым источником, несмотря на диверсификацию (Россия на 1-м месте в 2023–2024).

Саудовская Аравия: 14 % (около 1,55 млн барр./сутки), стабильный поставщик.

Иран: 11 % (1,4 млн барр./сутки по оценкам, несмотря на санкции; официально часто не отражается).

Ближний Восток в целом обеспечивает около 44–54 % китайского импорта нефти. Китай диверсифицирует риски через BRI и «теневые» закупки.

3. BRI и инвестиции: В 2024 г. Ближний Восток лидировал по вовлечённости в BRI - 39 млрд долл. (рост +102 %). Саудовская Аравия - 18,9 млрд долл. (строительство), Ирак - 9 млрд долл. (нефтепереработка). Кумулятивно с 2013 г. - более 1,175 трлн долл. по BRI глобально, из них значительная доля - инфраструктура и энергетика в регионе. Китайские прямые инвестиции: ОАЭ - 1,78 млрд долл. (поток 2023), накоплено 8,91 млрд долл.; Саудовская Аравия - 4,3 млрд долл.

Саудовская Аравия: в 2024 г. лидировала по BRI-строительству (18,9 млрд долл., рост +102 %). Кумулятивные инвестиции Китая выросли на 28,8 % - до 8,2 млрд долл. (FDI stock). Проекты в энергетике, инфраструктуре, giga-проектах («Видение-2030»).

Иран: 25-летняя программа предполагает до 400 млрд долл. (нефть, газ, транспорт, petrochemicals). Реальные инвестиции скромнее (около 18 млрд долл. за предыдущее десятилетие), но включают солнечные электростанции [3]. Иран активно участвует в BRI.

4. Дипломатия партнёрств и CASC: Все 22 арабские страны - партнёры BRI. CASC [4] привёл к 30

проектам GDI, нулевым тарифам для наименее развитых стран и обучению 3400 специалистов. 21 арабское государство присоединилось к BRI.

Результаты: Китай достиг энергетической безопасности, диверсифицировал маршруты и создал сеть партнёрств, не вступая в конфликты. Рост торговли и инвестиций на 14–102 % в 2024 г. подтверждает «реляционный» подход. Китай выступил посредником в восстановлении саудовско-иранских отношений в марте 2023 г. (встреча в Пекине). Это яркий пример реляционной теории: Пекин укрепил доверие с обеими сторонами без вмешательства. Обе страны - партнёры BRI; Китай поддерживает нейтралитет, фокусируясь на экономике.

Результаты анализа подтверждают: теоретическая модель Китая (невмешательство + взаимовыгода) позволяет одновременно развивать отношения с соперниками, обеспечивая энергетическую безопасность и геэкономическое влияние. Рост показателей на 28–102 % в ключевых сферах демонстрирует практическую эффективность.

Заключение. Теоретико-методологические основы китайско-ближневосточных отношений демонстрируют уникальную модель «выигрыш-выигрыш», основанную на национальных теориях МО. Перспективы - дальнейшая интеграция региона в китайский глобальный проект. Прагматизм, невмешательство и BRI позволяют Пекину усиливать позиции в многополярном мире. Перспективы - углубление «сообщества единой судьбы» через зелёную энергетику, цифровизацию и торговые соглашения. Китайский опыт может стать основой для новой парадигмы глобальных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грачиков Е.Н. Китайская теория международных отношений. - М., 2019.
2. Fulton J. China's Partnership Diplomacy in the Middle East. - Atlantic Council, 2019.
3. Zhao Tingyang. The Tianxia System. - 2005.
4. Yan Xuetong. Moral Realism. - 2019.